

ББК 63.3(2)44; УДК 94(47).043

А. В. Сиренов

СЕРДОЛИКОВАЯ КРАБИЦА МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ XIV–XVI вв. КАК ЦАРСКАЯ ИНСИГНИЯ*

Тема царских инсигний в истории средневековой культуры любого народа занимает особое место. Значимость инсигний была напрямую связана с представлениями о легитимности власти монарха. Именно поэтому происхождение символов верховной власти, драгоценных реликвий правящей династии окружалось тщательно выверенными легендами, оценить достоверность которых в условиях Средневековья было весьма затруднительно.

Инсигнии верховной власти могли существовать только в культуре придворного церемониала, и особенно здесь важен ритуал возложения инсигний на монарха. Таковым в русской истории стало венчание на великое княжение и позднее — венчание на царство. Впервые этот ритуал был совершен в 1498 г. над внуком великого князя Ивана III Дмитрием. До нас дошел чин венчания Дмитрия-внука, текст которого был включен и в великокняжескую летопись¹. Таким образом, мы знаем, возложение каких реликвий стало символизировать принятие верховной власти в Русском государстве конца XV в. В ходе церемонии на Дмитрия-внука были возложены шапка, украшенная драгоценными камнями оплечье и крест, изготовленный из Животворящего Древа. Эти же инсигнии фигурируют в чинах венчания на царство Ивана Грозного и последующих царей. Исследователи выявили принцип, по которому был сформирован набор инсигний для венчания Дмитрия-внука. Все упомянутые в чине венчания реликвии приобретались в разное время и хранились в великокняжеской казне². Их историю можно проследить по духовным грамотам

* Исследование проведено на средства гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук МД–5576.2013.6.

¹ Об истории текста этого чина см.: *Синицына Н. В.* О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1990. С. 190–196.

² *Попов К. М.* Чин священного коронования: Исторический очерк образования чина // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1896. Апрель. С. 59–72; *Кондаков Н. П., Толстой И. И.* Русские древности

московских князей, причем главная реликвия — золотая шапка — упоминается уже в самой ранней духовной грамоте, составленной Иваном Калитой. Иными словами, в конце XV в. было важно доказать, что великокняжеские инсигнии были исконной собственностью московских князей³.

В 20-е гг. XVI в. получил распространение текст, объясняющий происхождение великокняжеских инсигний. Он известен как «Послание митрополита Спиридона-Саввы» и как «Сказание о князьях владимирских»⁴. Впрочем, существуют и другие варианты этого текста, имеющие, соответственно, другие названия. Происхождение инсигний связывается с римским императором Октавианом Августом (Август-кесарь), потомками которого объявляются московские князья. В дальнейшем императорские инсигнии Августа, якобы унаследованные византийскими императорами, передаются киевскому князю Владимиру Мономаху. В рассматриваемом тексте обращает на себя внимание одна реликвия, отсутствующая в чинах венчания. Она названа «сердоликовой крабицей». Относительно ее функционального предназначения сказано на редкость неопределенно: «из нея же веселяшися иногда Август». Отметим, что, несмотря на отсутствие упоминаний крабицы в чинах венчания на царство, ее наличие среди царских инсигний вполне объяснимо. Впервые ее встречаем в духовной Ивана Калиты (ок. 1329 г.): «А что есмь придобыл золота, что ми дал Бог, и коробочку золотую, а то есмь дал княгини своей с меньшими детми»⁵. Перед нами именно та самая крабица, которая упоминается в текстах круга «Сказания о князьях владимирских». Более подробно ее описывает духовная московского князя Ивана Ивановича Красного (ок. 1358 г.): «А се даю сыну своему <...> коропка сердонична золотом кована»⁶. Таким образом, эта коробочка была приобретена Иваном Калитой и завещана им для передачи младшим детям, к одному из которых, Ивану Красному, она и поступила. Поскольку Иван оказался великим князем после смерти своего бездетного старшего брата Симеона Гордого, то сердоликовая коробочка опять вернулась в великокняжескую казну. Возникает вопрос: почему она не фигурирует в чинах венчания на царство? По-видимому, потому, что ее не могли применить к церемонии венчания. В самом деле, каким образом можно венчать на царство коробочкой?

Из произведений круга «Сказания о князьях владимирских» сердоликовая крабица перешла в фольклорные тексты. В одной из редакций «Сказания о Вавилоне граде» она понимается как хранилище царских регалий, т. е. весьма объемный ларец⁷. Другую атри-

в памятниках искусства. СПб., 1897. Вып. 5. С. 40–41; *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI веках // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 3. С. 16; «Послание о Мономаховых дарах» («Послание Спиридона-Саввы») / Вступ. статья, пер., комм. и примеч. А. Ю. Карпова (URL: www.portal.slovo.ru/history/35623.php); *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 30; и др.

³ Другого мнения придерживается Н. А. Соболева, которая полагает, что уже при Иване Калите начался процесс формирования инсигний (*Соболева Н. А.* Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.) // *Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011. С. 560–579). С такой точкой зрения едва ли можно согласиться, поскольку в духовных грамотах эти предметы характеризовались как драгоценности, об их символическом значении даже не упоминалось.

⁴ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 73–109.

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 8.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ См.: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895. С. 62–63.

буцию крабицы предложили в среде хранителей царской казны. Как известно, в 1806 г. был основан первый в России музей — Оружейная палата. В его фонды вошли кремлевские сокровища, составлявшие ранее царскую казну. Уже в первом опубликованном описании Оружейной палаты числится сердоликовая крабица. Так названа чаша для мира, изготовленная из яшмы⁸. Атрибуция явно ошибочная, поскольку по своему стилю сохранившаяся до настоящего времени яшмовая чаша явно относится ко времени более позднему, чем XIV в. и даже XV–XVI вв. Сейчас уже никто не утверждает тождество сердоликовой крабицы из духовных Ивана Калиты и Ивана Красного с яшмовой чашей для мира из коллекции Оружейной палаты. Однако восприятие сердоликовой крабицы как чаши осталось⁹. Единственный источник, подкрепляющий такой взгляд на крабицу, привел Н. М. Карамзин. В пересказе он передал содержание сюжета из «Сказания о князьях владимирских», в котором идет речь о получении Владимиром Мономахом царских реликвий. О крабице здесь сказано следующим образом: император Константин «спросил также крабийцу сердоликовую (из коей пил Август кесарь)»¹⁰. Казалось бы, обнаруженное Карамзиным свидетельство позволяет трактовать крабицу исключительно как чашу, ибо автор приведенного текста едва ли стал бы убеждать своих читателей, что император Август пил жидкость из коробки. Карамзин отметил, что приводимая им повесть встречается в ряде списков. Однако пересказанный им текст имеет характерную концовку: «Наконец, умирая, сей государь российский собрал знаменитое духовенство, бояр, купцев и сказал им, да “не венчают никого на царство по моей смерти! Отечество наше разделено на многие области: если будет один царь, то удельные князья от зависти начнут воевать с ним, и государство погибнет”. Он вручил царскую утварь шестому сыну своему, Георгию; велел хранить оную как душу или зеницу ока и передавать из рода в род, пока Бог воздвигнет царя, истинного самодержца в государстве Российском»¹¹. Этот пассаж извлечен из Латухинской Степенной книги (1678 г.), текстом которой Карамзин широко пользовался:

По сем благоверный князь и первовенечный царь Киевский и всяя России самодержец Владимир Всеволодич Мономах впаде в болезнь тяжку, и призывает к себе сынов своих и сродников уделных князей и митрополита с освященным собором, бояры же своя и всяких чинов начальных людей, и заповеда всем, да не дерзнут венчати на царство вместо его ни от сынов или от сродников, ни от иных кого того ради, понеже в Российской земли князей умножилось, и вся Российская земля разделена в особные уделы, и во многих зависть о первоначальстве будет: князь на князя возставит рать, и кровопролития будет много, и нареченного вами царя убийством погубят, и междусобная брань велия будет, и от того Российская земля запустеет. По сем великий князь Владимир взят венец царский с прочими знаменами и утварию, и вручает вернейшему и любезнейшему сыну своему князю Георгию, седмому в братии своей, и повелевает ему хранить вся царския те утвари яко зеницу своего ока, такожде завещавает ему, дабы по нем и сынове, наследники княжения его, такожде бы хранили в роды родов до времени того, егда от рода их воздвигнет Бог в велицей России царя единодержателя над всеми¹².

⁸ *Малиновский А. Ф.* Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося. М., 1807. С. 11.

⁹ См., например: *Стерлигова И. А.* Драгоценные произведения византийского искусства в истории российской государственности // *Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля.* М., 2013. С. 29–30.

¹⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. Примеч. 220. С. 277.

¹¹ Там же.

¹² *Латухинская Степенная книга / Подгот. к изд. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов.* М., 2012. С. 158–159.

При этом в Латухинской Степенной хотя и присутствует рассказ о получении Владимиром царских регалий из Константинополя, но среди них сердоликовая крабца не упоминается¹³. Таким образом, рассказ Карамзина компилятивен. Он составлен на основе нескольких текстов и отражает восприятие Карамзиным легенды о дарах Мономаха. Слова о том, что Август пил из крабцы, можно считать исследовательской конъектурой историка, которая отразила восприятие крабцы как чаши современниками Карамзина — русскими историками начала XIX в. Одним из них был А. Ф. Малиновский, в своем путеводителе по Оружейной палате отождествивший с крабцей чашу для мира, о чем упомянуто выше.

В научной литературе XIX в. неоднократно обсуждался вопрос о характере сердоликовой крабцы. И. М. Снегирев привел лингвистический аргумент: в чешском языке крабцей называли некий выдолбленный сосуд. Следовательно, это слово происходит не от коробки, а от другого слова¹⁴. Аргумент несостоятельный, поскольку крабцей рассматриваемый предмет стал называться только с XVI в. В духовных грамотах XIV в. его именовали коробкой или коробочкой. В изменении его названия скорее следует видеть следствие второго южнославянского влияния (переделку коробки в крабцу), чем переименование. Слово «крабца» известно в южнославянской письменности, памятники которой, как известно, широко бытовали на Руси. Оно является производным от слова «крабия», которое в переводных текстах соответствует греческим словам «φίβη» (корзина) и «κίβωτός» (ящик, кивот)¹⁵. Слово «крабия» в значении «чаша» не зафиксировано¹⁶.

В процессе подготовки издания «Древности Российского государства» исследователи обратили внимание на сердоликовую чашу из собрания С. Г. Строганова, к которому она попала из Рязанской губернии, и предложили отождествить ее с сердоликовой крабцей¹⁷. Подчеркнем, что никаких аргументов для такого отождествления не имеется, несмотря на его поддержку в современной научной литературе¹⁸.

В духовной грамоте Василия Дмитриевича сердоликовая крабца упомянута среди «судов», т. е. посуды. Это наблюдение трактуется в пользу восприятия крабцы как чаши¹⁹, но его также нельзя считать серьезным аргументом. Так, в документе 1662 г. под определением сосудов фигурируют «лахань», «миса», «чарка», «стокан», «две стопы», «две коробочки» и «солоночка»²⁰. Следовательно, коробку вполне могли числить среди

¹³ Там же. С. 157.

¹⁴ Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. М., 1849. Отд. 1. С. 69–70.

¹⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 2. Стб. 1310.

¹⁶ См.; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 401–402.

¹⁷ Древности Российского государства... Отд. 1. С. 72–83. — Сердоликовые чаши известны по источникам XV–XVII вв. См. примеры, приведенные в Словаре русского языка XI–XVII вв. в статьях к словам «сердоликовый» и «сердоличный» (М., 2000. Вып. 24. С. 78): «А поминка явил владыка великому князю перед столом: понагею... да кубок... чарку сердоличну оковану серебром...» (Софийская II летопись под 1478 г.), «Сосуды служебные... 2 блюдца дарных серебряные, да другой патырь был сердоличен» (Писцовая книга 1578 г.), «На поставце суды золотые и серебряные и сердоликовые» (документ 1660 г.). Таким образом, чаша из сердолика — явление в русской средневековой культуре не уникальное. При описании ее неизменно называют чашей, а не коробкой.

¹⁸ Соболева Н. А. Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.). С. 560–579.

¹⁹ Стерлигова И. А. Драгоценные произведения... С. 29–30.

²⁰ Цит. по: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2002. Вып. 26. С. 227.

посуды. И. А. Стерлигова обратила внимание на каменную крабицу, упомянутую в описи царской казны XVII в. Там она описана следующим образом: «крабица каменна, на ней на трех сторонах вырезаны кресты». По мнению исследовательницы, каменная крабица являлась чашей²¹. Как представляется, из приведенного описания вообще нельзя судить о характере этого изделия, которое могло быть как чашей, так и шкатулкой.

Что же достоверно известно о сердоликовой крабице? Известия о ней можно разделить на три группы. Во-первых, это упоминания в духовных грамотах московских князей XIV–XV вв. Там она неизменно называется коробкой. Во-вторых, сердоличная коробка упоминается в летописных рассказах о венчании Дмитрия-внука. После церемонии венчания Иван III на пиру подарил своему царственному внуку часть драгоценностей из великокняжеской казны: «и дарил князь велики внука своего: крест золот Парамшинской с чепью золотою, да пояз золот с камением драгим, да сердоличною коробкою»²². Подчеркнем, что это последнее упоминание крабицы как реально существующего предмета, такого же, например, как крест работы московского ювелира XIV в. Парамши. Характерно, что после дарения на пиру и Парамшинский крест, и крабица пропали. Связано это, по всей видимости, с опалой, которая вскоре постигла Дмитрия-внука. Что стало с его казной — неизвестно. Можно предположить, что она была расхищена. Во всяком случае, все позднейшие упоминания сердоликовой крабицы носят исключительно литературный характер.

Сердоликовая крабица появляется в «Послании митрополита Спиридона-Саввы о Мономаховом венце». Именно здесь ее происхождение связано с римским императором Августом, а попадание на Русь — с царским венчанием Владимира Мономаха. Эти же тексты помимо «Послания Спиридона-Саввы» читаются в «Сказании о князьях владимирских», в так называемой Чудовской повести и других памятниках XVI в. Их наиболее ранние списки датируются 20-ми гг. XVI в. Более того, можно утверждать, что в известном нам виде эти тексты появились в 1520–1523 гг. На столь узкую датировку указывают реалии, упоминаемые в «Послании Спиридона-Саввы» и родственных ему текстах. Еще И. Н. Жданов обратил внимание на упоминания братьев Василия III как ныне живущих людей, а один из них, Андрей Иванович, умер в 1523 г.²³ А. Л. Гольдберг доказал, что перечисление прусских городов заимствовано из дипломатической документации 1520 г.²⁴

Остается непонятным, каким образом указанные реалии 20-х гг. XVI в. могли попасть в наиболее ранний памятник этого цикла — в «Послание Спиридона-Саввы». Литовский митрополит Спиридон-Савва в конце XV в. оказался в России и был заключен в Ферапонтовом монастыре. Там к нему обратились в 1503 г. с заказом произвести литературную обработку «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». Спиридон-Савва написал в «Житии», что принялся за эту работу будучи в преклонных годах. В «Послании о Мономаховом венце» он называет свой возраст — 91 год. Строго говоря, приведенные указания не могут быть датирующими для «Послания о Мономаховом венце». В 1503 г. Спиридону-Савве могло быть около 70-ти лет, и это был по тем временам весьма преклонный возраст. В таком случае, 91 год Спиридону-Савве исполнился в начале 20-х гг.

Но есть данные, согласно которым кончина Спиридона-Саввы приходится на первые годы XVI в. В. О. Ключевский обратил внимание на отзыв о Спиридоне-Савве в прошедшем

²¹ Стерлигова И. А. Драгоценные произведения... С. 29.

²² Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 211.

²³ Жданов И. Н. Русский былевой эпос... С. 83, 93 и др.

²⁴ Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 208.

времени новгородского архиепископа Геннадия Гонзова, умершего в 1505 г.: «сей человек в нынешняя роды беаше столп церковный...»²⁵ В синодике Кирилло-Белозерского монастыря (РГАДА. Ф. 181 (собр. МГАМИД), № 538) имя Спиридона-Саввы следует непосредственно после Софии Палеолог, умершей 15 мая 1503 г.²⁶ Таковы приводимые исследователями косвенные данные о кончине Спиридона-Саввы в первые годы XVI в. Датировка легенд о происхождении Рюрика от Октавиана Августа и о Мономаховых дарах ранним временем представлялась наиболее вероятной и А. А. Зимину, который связывал их происхождение с венчанием Дмитрия-внука²⁷.

Отметим, что упоминание в легенде о Мономаховых дарах сердоликовой крабицы также соотносится с событиями конца XV в., когда крабица была подарена Дмитрию-внуку. Позже этого времени крабица не упоминается ни в одном источнике, за исключением текстов круга «Сказания о князьях владимирских». Получается, что в конце XV в. или в начале XVI в. Спиридон-Савва написал свое «Послание о Мономаховом венце», которое обрело широкую известность в отредактированном в 20-е гг. XVI в. виде. На первый взгляд, такая ситуация представляется маловероятной. Однако следует иметь в виду адресата «Послания о Мономаховом венце», обращаясь к которому, автор писал: «Слышание мое, еже потребовал еси от нас своим писанием и нашими чернецы...».

Р. П. Дмитриева обратила внимание, что последний сюжет «Послания», родословие литовских князей, оканчивается упоминанием князя Василия Ивановича Патрикеева, который вскоре после венчания Дмитрия-внука попал в опалу, принял постриг с именем Вассиана и несколько лет прожил в Кирилло-Белозерском монастыре²⁸. После этого он вернулся в Москву и вошел в милость к Василию III. Современники называли его «великим временным человеком». Свои позиции при дворе Вассиан Патрикеев сохранял до собора 1531 г., на котором был осужден и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь, где вскоре и скончался. Самый ранний список «Сказания о князьях владимирских», датируемый концом 20-х гг. XVI в. (БАН. Арх. Д. 193), принадлежит руке Михаила Медоварцева, который в 20-е гг. был ближайшим помощником Вассиана Патрикеева²⁹. Тогда же легенды о происхождении Рюрика от императора Августа и о Мономаховых дарах были включены в Воскресенскую летопись³⁰.

Таким образом, следует согласиться с Р. П. Дмитриевой, что Вассиан Патрикеев — наиболее вероятный заказчик «Послания Спиридона-Саввы». История создания «Послания о Мономаховом венце» представляется следующим образом. В 1499 г. попавший в опалу Василий Иванович Патрикеев оказывается среди братии Кирилло-Белозерского монастыря. В непосредственной близости, в Ферапонтовом монастыре, живет также опальный митрополит Спиридон-Савва. Их объединяет не только подневольное состояние, но и любовь в книжности. От Вассиана Спиридон-Савва узнает о подробностях коронационного торжества. Оба они, без сомнения, понимали, что сам по себе обряд венчания не

²⁵ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 200

²⁶ *Павлов С. Н.* Иван Иванович Бриллиантов — историк Ферапонтова // Ферапонтовский сборник. М., 1985. Вып. 1. С. 30–31.

²⁷ *Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 129–133.

²⁸ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 84.

²⁹ *Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 313.

³⁰ *Сиренов А. В.* О времени создания Воскресенской летописи // Историография и источниковедение отечественной истории. М.; СПб., 2014 [в печати].

может сообщить легитимность и обеспечить международное признание высокого статуса московского самодержца. Требовалось обоснование прав московских князей на великокняжеский престол. Вассиан мог также надеяться, что участие в создании актуальных идеологических построений поможет ему вернуть милость великого князя. Однако подобный текст должен был исходить не от молодого князя-инока. Наилучшим автором для него являлся авторитетный литовский митрополит.

Так, по нашему мнению, было задумано и создано «Послание о Мономаховом венце». Политическая ситуация менялась: умер Иван III, на престол сел Василий III. Вассиану было разрешено вернуться в Москву. К сожалению, мы не знаем, когда это случилось³¹, но в начале 20-х гг. Вассиан совершенно определенно был в Москве и являлся ближайшим советчиком великого князя. В это время он и обратился к составленному когда-то «Посланию о Мономаховом венце», отредактировал его в духе времени и инициировал создание на его основе целого ряда текстов, которые и образовали цикл «Сказания о князьях владимирских». Оговоримся, что у нас нет данных, свидетельствующих о собственноручном участии Вассиана Патрикеева в этих работах. Мы не знаем, был он автором или только инициатором этих работ, но полагаем, что он имел к ним непосредственное отношение.

«Крабица» литературных текстов, получивших распространение в 20-е гг. XVI в., уже не воспринималась современниками как некое конкретное изделие. К тому же реальная сердоликовая коробка к тому времени давно была утрачена и, можно думать, порядком забылась. «Крабица» получила другое значение — символическое. Летописец начала царства сообщает, что 11 января 1535 г. в Москву к малолетнему Ивану IV и его матери Елене Глинской приехал из Новгорода архиепископ Макарий поздравить с вокняжением. Макарий благословил великого князя и преподнес ему «кресть самфир, златом обложен, да крабийцу хрусталну, серебром золоченым оковану, с финифтом, и иные многие дары»³².

На наш взгляд, не имеет смысла задаваться вопросом, какую форму (чаши или коробки) имела эта крабица. Преподнесенный Макарием подарок имел символическое значение. И крест, и крабица были репликой к легенде о Мономаховых дарах. Сапфирный крест символизировал собой крест из Животворящего Древа, а хрустальная крабица — крабицу из сердолика. Своим подарком Макарий пытался оказать поддержку еще неутвердившейся власти малолетнего великого князя.

Повторение царских инсигний для России XVI в. было явлением характерным. В середине столетия изготовили копию шапки Мономаха — так называемую Казанскую шапку. Появление в 1535 г. хрустальной крабицы, можно думать, явление того же порядка. Однако дальнейшего развития эта тема не получила, по-видимому, потому, что уже не было в наличии самой сердоликовой крабицы, и ее повторения не имели того значения, которое было присуще царским инсигниям.

Итак, сердоликовая крабица изначально не имела никакого символического смысла. Это была шкатулка из сердолика, украшенная золотом. Ее купил Иван Калита и завещал младшим детям. В 1498 г. Иван III после коронации Дмитрия-внука на пиру в присутствии придворных подарил ему отдельные драгоценности из великокняжеской казны, в

³¹ В литературе называются разные даты: 1503 г. (*Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 82), около 1509 г. (*Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2. Ч. 1. С. 121).

³² Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 90.

числе которых была и сердоликовая шкатулка. Вскоре после этого, полагаем, было создано «Послание Спиридона-Саввы», в котором получили отражение реалии венчания Дмитрия-внука. Известность «Послание» получило только в 20-е гг. XVI в., после редакторской обработки в соответствии с политической конъюнктурой того времени. Неизменным остался состав царских инсигний, в числе которых упомянута сердоликовая крабца. Легенды, содержащиеся в «Послании Спиридона-Саввы», сразу же были взяты на вооружение московскими книжниками и продолжали жить в общественном сознании XVI–XVIII вв.

Сердоликовая крабца так и не стала царской инсигнией. Для этого недоставало самого предмета, ведь сердоликовая коробка была утрачена. Однако упоминание крабцы в легенде повлекло за собой, с одной стороны, ее отражение в фольклоре, а с другой — попытку отождествить ее с яшмовой чашей для мира, используемой в коронационных торжествах XVIII в. Таким образом, на примере сердоликовой крабцы мы можем проследить механизм формирования феномена царской инсигнии в позднесредневековом обществе. То обстоятельство, что в данном случае процесс оказался незавершенным, лишь делает этот пример более наглядным.

Данные о статье

Автор: Сиренов, Алексей Владимирович — доктор исторических наук, Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, sirenov@rambler.ru

Заголовок: Сердоликовая крабца московских князей XIV–XVI вв. как царская инсигния

Резюме: Статья посвящена упоминаемой в памятниках русской письменности и фольклора XVI–XVII вв. царской инсигнии — сердоликовой крабце. В исследовательской литературе существует разногласие относительно характеристики этого предмета. Одни исследователи воспринимают крабцу как шкатулку, другие — как чашу. В статье предлагается аргументация в пользу первого из этих предположений. Прослеживается история сердоликовой коробки (как ее называют источники) от поступления в казну Ивана Калиты в XIV в. до вручения в 1498 г. Иваном III Дмитриевичем-внуком и последующей утраты. В разряд царских инсигний крабца была включена в «Послании Спиридона-Саввы». Высказывается предположение, что «Послание» было написано в конце XV или в начале XVI в., но получило распространение после редакторской обработки в 20-е гг. XVI в. История текста «Послания» связывается с биографией видного общественного и церковного деятеля первой половины XVI в. Вассиана Патрикеева. Формулируется вывод, что ко времени распространения «Послания» в 20-х гг. XVI в. реальная крабца уже была утрачена, поэтому упоминание ее только в литературном тексте открывало широкие возможности для интерпретаций.

Ключевые слова: царские инсигнии, история России XVI в., Сказание о князьях владимирских, сердоликовая крабца, Вассиан Пересветов, митрополит Спиридон-Савва

Литература, использованная в статье

Базилевич, Константин Васильевич. Имущество московских князей в XIV–XVI веках // Труды Государственного Исторического музея. Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1926. Вып. 3. С. 1–52.

Гольдберг, Александр Львович. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Ленинград: Наука, 1976. Т. 30. С. 204–216.

Дмитриева, Руфина Петровна. Сказание о князьях владимирских. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1955. 215 с.

Жданов, Иван Николаевич. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1895. 631 с.

Зимин, Александр Александрович. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Москва: Наука, 1972. С. 128–138.

Казакова, Наталия Александровна. Вассиан Патрикеев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 1. С. 120–123.

Карамзин, Николай Михайлович. История государства Российского. Москва: Наука, 1991. Т. 2–3. Примеч. 220. 829 с.

- Ключевский, Василий Осипович. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва: Типография Грачева и К°, 1871. 465 с.
- Кондаков, Никодим Павлович; Толстой, Иван Иванович. Русские древности в памятниках искусства. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1897. Вып. 5. 163 с.
- Малиновский, Алексей Федорович. Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося. Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1807. 139 с.
- Павлов, Сергей Николаевич. Иван Иванович Бриллиантов — историк Ферапонтова // Ферапонтовский сборник. Москва: Советский художник, 1985. Вып. 1. С. 11–37.
- Синицына, Нина Васильевна. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Москва: Наука, 1972. С. 286–317.
- Синицына, Нина Васильевна. О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Москва, 1990. С. 190–196.
- Сиренов, Алексей Владимирович. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
- Соболева, Надежда Александровна. Имперская идея и российская символика власти (XI–XVI вв.) // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. Москва: Русская панорама, 2011. С. 560–579.
- Стерлигова, Ирина Анатольевна. Драгоценные произведения византийского искусства в истории российской государственности // Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог. Москва: Пинакотека, 2013. С. 7–51.

Information about the article

The research is carried out with support of the grant of President of the Russian Federation for the state support of young russian researchers — Doctors of Science, project МД–5576.2013.6.

Author: Sirenov, Aleksey Vladimirovich — Doctor of Science, Institute of History, St. Petersburg State University, 199034, Mendeleev line, 5, St. Petersburg, Russia, sirenov@rambler.ru

Title: «Serdolikovaja krabitsa» of Muscovite Princes of XIV–XVIth centuries as a royal insignia

Summary: The paper is devoted to the royal insignia mentioned in the Russian literary texts and folklore of 16–17th centuries – the cornelian box («serdolikovaja krabitsa»). According to the legend, it belonged to the Roman Emperor Octavius Augustus and, together with other imperial insignia was ceremonially presented to the Kiev Knyaz Vladimir Monomakh in 12th century by the Byzantine Emperor. The cornelian box («serdolikovaja krabitsa») has not reached the present time. The research literature contains a disagreement on the characteristics of this object. Some researchers regard the box as a jewel box, others – as a bowl. The paper offers arguments in favour of the first suggestion. The history gives facts about the «serdolikova krabitsa» or a box (in this way it was called in early sources), from the moment of its arrival to the treasury of Ivan Kalita at the beginning of 14th century to the act of its presentation in 1498 to Dmitri-the grandson by Ivan III and further loss of it. «Krabitsa» was included into the category of imperial insignia in the Epistle by the Lithuanian Metropolitan Spiridon Savva. It was presupposed that the Epistle was written in late XV or early XVI century, but was widespread after editorial refinement in the 1520s. The history of the Epistle text is connected with the biography of an outstanding public and clerical figure of the first half of 16th century Vassian Patrikeev. It can be concluded that by the time of spreading of the Epistle and compilation of other literary texts on its basis in the 1520s the real «krabitsa» had already been lost, thus, its mentioning only in the literary text opened great opportunities for interpretation.

Keywords: royal insignies, Russian history of 16th century, Tale about Vladimir's Princes, the cornelian box («serdolikovaja krabitsa»), Vassian Patrikejev, metropolitan Spiridon-Savva.

References

- Bazilevich, Konstantin Vasilevich. Imushchestvo moskovskikh knyazey v XIV–XVI vekakh [Property of Moscow princes in the 14th–16th centuries], in *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*. Moscow: M. & S. Sabashnikovs, 1926. Issue 3. Pp. 1–52 (in Russian).
- Dmitrieva, Rufina Petrovna. *Skazanie o knyaz'yakh Vladimirskikh [The Tale about Princes of Vladimir]*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1955. 215 p. (in Russian).

- Goldberg, Aleksandr L'vovich. K istorii rasskaza o potomkakh Avgusta i o darakh Monomakha [To the history of the Tale about the August's descendants and the Monomakh's gifts], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad: Nauka Publ., 1976. Vol. 30. Pp. 204–216 (in Russian).
- Kazakova, Nataliya Aleksandrovna. Vassian Patrikeev, in *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Leningrad: Nauka Publ., 1989. Issue 2. Part 1. Pp. 120–123 (in Russian).
- Klyuchevskiy, Vasiliiy Osipovich. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik* [Old russian hagiography as historical source]. Moscow: Grachev i K° Print., 1871. 465 p. (in Russian).
- Kondakov, Nikodim Pavlovich; Tolstoy, Ivan Ivanovich. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva* [Russian Antiquities and Monuments of Art]. St. Petersburg: A. Benke Print., 1897. Issue 5. 163 p. (in Russian).
- Malinovskiy, Aleksey Fedorovich. *Istoricheskoe opisaniye drevnego Rossiyskogo muzeya, pod nazvaniem Masterskoy i Oruzheynoy palaty, v Moskve obretayushchegosya* [Historical description of ancient Russian museum, called the Master and Armoury Chamber in Moscow]. Moscow: Imperial Moscow University Press, 1807. 139 p. (in Russian).
- Pavlov, Sergey Nikolaevich. Ivan Ivanovich Brilliantov — istorik Ferapontova [Ivan Ivanovich Brilliantov — Ferapontov's historian], in *Ferapontovskiy sbornik* [Ferapontov collection]. Moscow: Soviet artist Publ., 1985. Issue 1. Pp. 11–37.
- Sinitsyna, Nina Vasil'evna. Knizhnyy master Mikhail Medovartsev [Book Master Mikhail Medovartsev], in *Drevnerusskoye iskusstvo. Rukopisnaya kniga* [Ancient art. Handwritten book]. Moscow: Nauka Publ., 1972. Pp. 286–317 (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasil'evna. O proiskhozhdenii ponyatiya «shapka Monomakha» (k voprosu o kontseptsiiakh rimsko-vizantiyskogo preemstva v russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XV–XVI vv.) [About origin of the notion «shapka Monomakha» (on the issue of conceptions of Russian-Byzantine Succession in the russian social and political thought 15–16th centuries)], in *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR*. Moscow, 1990. Pp. 190–196 (in Russian).
- Sirenov, Aleksey Vladimirovich. *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv.* [Book of Degrees and Russian historical thought in the 16th–18th centuries]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Archeo Publ., 2010. 552 p. (in Russian).
- Soboleva, Nadezhda Aleksandrovna. Imperskaya ideya i rossiyskaya simbolika vlasti (XI–XVI vv.) [The Imperial idea and Russian symbols of power (11th–16th centuries)], in *Rossiyskaya imperiya ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsialno-politicheskoy i ekonomicheskoy istorii* [Russian Empire from its beginnings to the early 19th century. Essays on the Socio-Political and Economic History]. Moscow: Russian panorama Publ., 2011. Pp. 560–579 (in Russian).
- Sterligova, Irina Anatolevna. Dragotsennyye proizvedeniya vizantiyskogo iskusstva v istorii rossiyskoy gosudarstvennosti [Precious works of Byzantine art in the history of Russian statehood], in *Vizantiyskie drevnosti. Proizvedeniya iskusstva IV–XV vekov v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya: Katalog* [Byzantine antiquities. Artworks of the 4th–15th centuries in the collection of the Moscow Kremlin Museums: Catalog]. Moscow: Pinakoteka Publ., 2013. Pp. 7–51 (in Russian).
- Zhdanov, Ivan Nikolaevich. *Russkiy bylevoy epos: Issledovaniya i materialy* [Russian folklore epos: Studies and materials]. St. Petersburg: L. F. Panteleev Print., 1895. 631 p. (in Russian).
- Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. Antichnye motivy v russkoy publitsistike kontsa XV v. [Antique motifs in russian political essays of the end of 15th century], in *Feodal'naya Rossiya vo vseмирno-istoricheskom protsesse*. Moscow: Nauka Publ., 1972. Pp. 128–138 (in Russian).